

**НОВАЯ
И
НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОЕ ВРЕМЯ

Царева Ю.И. Основные направления финансовой политики Тюдоров (1485–1603 годы)	3
Таньшина Н.П. Польский вопрос по запискам императора Николая I и графа Ш.-А. Поццо ди Борго.....	15

XX ВЕК

Некрасова Т.А. Роль идеологии во внешне- и военно-политической стратегии Третьего рейха.....	27
Сидоров А.А. Англо-американские переговоры в годы Второй мировой войны и формирование основ послевоенной международной торговой системы	39
Жерлицына Н.А. Идеологический фактор в отношениях СССР со странами Магриба в 1950–1980-х годах.....	58

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Филатов Г.А. Каталонский и шотландский сепаратизм: сходство и различие.....	66
Дабагян Э.С. Перу на мировой арене	77

РОССИЯ И МИР

Хормач И.А. Россия и Парижская мирная конференция	84
Цыпкин Г.В. Первое посольство России в Тропической Африке. К 120-летию установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией.....	113
Соколов А.С. Россия и СССР на Всемирных выставках XX–XXI веков	125
Курбак М.С. Россия в современной литературе ЮАР: в лабиринтах понимания и непонимания.....	144

МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Айзенштат М.П., Бобкова М.С. История и миф: современное осмысление	155
Академик Давидсон А.Б. Историк, социолог, философ, этнолог. К 90-летию И.С. Кона.....	159

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Член-корр. РАН Черкасов П.П. Генерал Кавеньяк.....	165
Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек	179

СООБЩЕНИЯ

Ларин Е.А. Хименес де Кесада и манящие миражи Эльдорадо	197
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Долгилевич Р.В. Б. Л. Хавкин. Германский национал-социализм и антигитлеровское сопротивление. М., 2017.....	203
Борох О.Н. Цзоу Цзиньвэнь. Развитие китайской экономической науки в новое время: исследование докторских диссертаций соискателей, обучавшихся за рубежом. Пекин, 2016	207
Ростиславлева Н.В. Ю. Каубе. Макс Вебер на рубеже двух эпох. М., 2016.....	211
Ивонина Л.И. (Смоленск). А. Тишер. Людовик XIV. Штутгарт, 2017.....	213
<i>Памяти ушедших</i> Г.Л. Арш (1925–2017).....	217

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Доктор исторических наук **В.В. Согрин** (главный редактор)
д.и.н. **Н.И. Басовская**, д.и.н. **Л.С. Белоусов**, член-корр. РАН **В.И. Васильев**,
В.Я. Головин (ответственный секретарь),
академик **А.Б. Давидсон**, к.и.н. **Н.П. Калмыков** (зам. главного редактора),
д.и.н. **М.А. Липкин**, д.и.н. **Г.Ф. Матвеев**, академик **В.С. Мясников**,
д.и.н. **П.Ю. Рахшмир**, д.и.н. **В.В. Рогинский**, д.и.н. **И.М. Савельева**,
к.и.н. **Д.С. Секиринский**, академик **С.Л. Тихвинский**,
д.и.н. **Б.Л. Хавкин**, член-корр. РАН **П.П. Черкасов**, академик **А.О. Чубарьян**

*Адрес редакции: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90,
тел. 8 (495) 276-70-36 (доб. 4351)
<http://www.modern-current-history.igh.ru/>
e-mail: novistor57@mail.ru*

**Zou Jinwen. JINDAI ZHONGGUO JINGJIXUE DE FAZHAN:
YI LIUXUESHENG BOSHI LUNWEN WEI ZHONGXIN DE KAOSHA.**

Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2016, 746 ye.

**Цзоу Цзиньвэнь. РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
В НОВОЕ ВРЕМЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ
СОИСКАТЕЛЕЙ, ОБУЧАВШИХСЯ ЗА РУБЕЖОМ. Пекин, 2016, 746 с.**

Чтобы понять истоки современных успехов Китая в сфере экономики, нужно иметь глубокое и объективное представление об истории освоения китайцами западной экономической науки, включая марксизм. Рецензируемая книга внесла заметный вклад в изучение этой темы. Цзоу Цзиньвэнь — авторитетный знаток китайской экономической науки республиканского периода, директор Школы экономики Чжуннаньского университета финансов, экономики, политики и права (г. Ухань), председатель Общества по изучению китайской экономической мысли. Публикация вышла в престижной серии «Национальная библиотека достижений в философии и общественных науках», издаваемой с 2010 г., где печатаются лучшие произведения современных китайских исследователей.

Наследие экономической науки 1920–1940-х годов уже получило в Китае позитивную оценку. Подавляющее большинство работ по этой теме основано на китайских источниках. Цзоу Цзиньвэнь сумел предложить новый взгляд на проблему, обратившись к малоизвестным материалам на иностранных языках. Ученый занялся изучением докторских и магистерских диссертаций по экономике, которые защитили за рубежом китайцы. Некоторые из них были изданы как монографии и получили широкую известность за пределами Китая, многие сохранились лишь в университетских архивах. За десятилетие Цзоу Цзиньвэню удалось выявить около 200 экономических диссертаций, написанных китайцами на иностранных языках¹.

¹ Исходные положения исследования и частичные списки китайских диссертаций опубликованы на английском языке: *Zou Jinwen. The Development of Early Modern Chinese Economics: Based on Investigation of Doctoral Dissertations by Chinese Students Studying Abroad in the Late Qing and Republican Periods. — Social Sciences in China, v. XXXIII, № 2, May 2012; Jinwen Zou and Lizhi Song. Chinese economics students in the USA — with a focus on doctoral dissertations prior to 1949. — Thoughts on Economic Development in China. Routledge, 2013.*

Собранные автором материалы обогащают понимание истории взаимодействия Китая и Запада в области науки и образования в первой половине XX в. и дают возможность вести предметное обсуждение степени интернационализации китайских общественных наук в республиканский период. На примере освоения экономических знаний Цзоу Цзиньвэнь проанализировал, каким образом выбор диссертационных тем был связан с событиями внутри Китая и международными тенденциями, в какие страны и в какие университеты направлялись китайцы в поисках новых знаний, чем был обусловлен их выбор. Помимо рассмотрения влияния западных наставников на китайских учеников, способствовавшего последующему проникновению идей именно этих иностранных ученых в китайскую интеллектуальную среду, автор попытался проследить обратное влияние китайских диссертаций на развитие западной экономической мысли. Для этого была проведена кропотливая работа по сбору упоминаний и отзывов о диссертациях китайских аспирантов в западных экономических журналах, идентифицированы публикации китайских соискателей в зарубежной научной периодике. Некоторые наиболее интересные диссертации переводят на китайский язык и издают в КНР, о чем пишет Цзоу Цзиньвэнь в своей работе.

Книга удачно дополняет содержание изданной в прошлом десятилетии монографии П.Б. Трескотта об истории распространения западных экономических идей в Китае с 1850 по 1950 г.² Трескотт с западной перспективы показал важность вклада обучавшихся за границей китайцев. Не владея китайским языком, он не всегда мог идентифицировать имена китайских авторов по указанным в диссертациях латинизированным фонетическим транскрипциям, глубина проникновения в китайский исторический и общественно-политический контекст была ограниченной. Цзоу Цзиньвэнь исследовал проблему с опорой на обширные познания в области истории

² *Trescott P.B. Jingji Xue: The History of Introduction of Western Economic Ideas into China, 1850–1950. Hong Kong, 2007.*

китайской мысли и общественных наук нового времени.

Ценными для читателя достоинствами книги Цзоу Цзиньвэнь являются тщательно составленная библиография (названия диссертаций даны на языке оригинала и в китайском переводе), именной и предметный указатели. Автору удалось выявить подавляющее большинство иероглифических имен китайских аспирантов, собрать о них биографические и библиографические сведения — чем эти люди занимались до и после учебы за рубежом, какие книги и статьи опубликовали на китайском языке.

Автор внимательно прослеживает, как устремления желавших получить иностранное экономическое образование китайцев распределялись между Европой, Японией и США. В конце XIX в. их интерес был обращен к Европе, в начале XX в. чиновники династии Цин стали отправлять молодых людей на учебу в культурно и географически близкую Японию, продемонстрировавшую заметные успехи в осуществлении модернизации. Японский путь освоения западной экономической науки начинался с увлечения голландским и английским либерализмом, на смену которому пришли почерпнутые в Германии идеи государственного вмешательства в экономику, вскоре там началось быстрое распространение марксизма.

Китай с небольшим отставанием пошел по сходному пути. Цзоу Цзиньвэнь указывает, что в конце XIX в. западные протестантские миссионеры (К. Гуцлафф, У.А.П. Мартин) пропагандировали в Китае идеи торгового либерализма, отражавшие требования Запада по открытию китайского рынка. Вернувшийся после учебы в Великобритании мыслитель и общественный деятель Янь Фу перевел в 1902 г. на китайский язык книгу Адама Смита «Богатство народов». Однако увлечение либерализмом на раннем этапе развития китайской экономической науки оказалось кратковременным. «Основным течением китайской экономической мысли нового времени был не *laissez-faire*, а государственное вмешательство, одной из причин формирования этой ситуации было привлечение немецких экономических идей студентами, обучавшимися в Японии» (с. 46).

Западные идеи экономического протекционизма и этатизма проникли в Китай в начале XX в. через Японию, где в 1901 г. были переведены на китайский язык и опубликованы фрагменты книги Ф. Листа. Учившиеся в Японии китайские студенты усвоили большой объем экономической терминологии и впоследствии способствовали модернизации

лексикона китайской экономической мысли. Вместе с тем Цзоу Цзиньвэнь отмечает, что тогда экономику в Японии изучали многие китайцы, но мало кто из них пошел в высшие учебные заведения. До середины XX столетия ни один китаец не получил докторскую степень по экономике в Японии — в 1943 г. Чжу Шаовэнь подготовил и издал в Японии диссертацию о теории производительных сил Листа, но из-за событий военного времени диплом ему так и не выдали (с. 70).

Еще в 1909 г., незадолго до Синьхайской революции, китайские власти договорились об отправке студентов в США. Число учащихся было не очень большим, примерно по сотне в год, однако они отправлялись в университеты, а не в средние учебные заведения, как это было в Японии. В период от Синьхайской революции до создания централизованной власти Гоминьдана в 1927 г. самыми желанными для китайских работодателей стали выпускники европейских и американских вузов. Эта смена приоритетов проявилась и в экономических кругах. Если в конце 1910-х годов около четверти преподавателей экономического факультета Пекинского университета учились в Японии, то к началу 1930-х годов там не осталось ни одного преподавателя с японским образованием (с. 62).

В континентальной Европе китайские докторанты сконцентрировались в Парижском и Франкфуртском университетах, в США — в Колумбийском университете (они ценили царивший в нем дух научной свободы и считали Нью-Йорк экономическим центром мира). Цзоу Цзиньвэнь отмечает, что в 1912—1926 гг. среди докторских работ по экономике прикладные темы преобладали над теоретическими. Больше всего китайские соискатели писали диссертации по вопросам денег и финансов в Китае. Это устремление отражало как желание найти путь оздоровления национальной финансовой системы того времени, так и попытку облегчить свой труд за счет обращения к знакомым китайским сюжетам. Наиболее способные докторанты, ставшие впоследствии влиятельными учеными, изучали зарубежную финансовую политику. Ма Иньчу (Колумбийский университет) исследовал городские финансы Нью-Йорка, Чэнь Дайсунь (Гарвардский университет) — финансы штата Массачусетс, Хэ Лянь (Йельский университет) сравнивал управление подоходным налогом в Англии и США.

В этот период появилась новая тема исследования международной торговли, ее выбор был связан с усилиями китайских властей по возвращению суверенитета над сборами таможенных платежей. Китайские докторанты

стремились реализовать свои естественные преимущества в сфере экономической истории, они выбирали хорошо знакомые им и малоизвестные на Западе темы истории таможенных сборов и налогов при династии Цин. Цзоу Цзиньвэнь указывает, что выбор темы диссертации зависел от специфики американских университетов, в которые поступали китайские соискатели. К примеру, Корнеллский университет специализировался на изучении сельского хозяйства. Там были защищены четыре китайские диссертации по сельской экономике, одну из них написал Дун Шицзинь, который в 1923–1924 гг. принял активное участие в дискуссии о том, сельская или промышленная экономика должна стать опорой развития Китая.

В 1920-е годы китайские студенты потянулись в обедневшую после Версальского договора Германию, стоимость жизни и учебы там стали более доступными. Возрос интерес к немецкой исторической школе, выступавшей за государственное вмешательство в экономику. В университетах Тюбингена и Берлина китайцы защитили диссертации об экономическом учении Листа и его значении для Китая, был подготовлен новый перевод книги Листа. Китайские экономисты с энтузиазмом поддержали тезисы о необходимости использования протекционистских мер для развития национальной промышленности, стало модно помещать «этатизм» Листа выше «индивидуализма» Адама Смита и социалистического учения К. Маркса (с. 93).

Период централизованной власти Гомиьндана (1927–1937 гг.) автор называет «золотым веком модернизации китайской экономики» (с. 99), когда возникли благоприятные условия для распространения и развития экономической науки. Тогда китайцы защитили в Европе больше докторских диссертаций по экономике, чем в США, этому способствовало увеличение количества обучавшихся в английских университетах. Цзоу Цзиньвэнь отмечает, что самой главной проблемой Китая 1930-х годов была реформа денежной системы, в мировой системе золотого стандарта Китай оказался единственной страной серебряного стандарта. В это время китайские диссертанты уделяли внимание проблемам денег и финансов, страхования, промышленного развития (ставший впоследствии известным экономистом Фан Сяньтин написал в Йельском университете диссертацию про английскую фабричную систему). Ухудшение условий мировой торговли после «великой депрессии» стало стимулом для теоретического исследования мировых цен, после восстановления китайскими властями в 1929–1930 гг.

суверенитета над таможенной дополнительной актуальность обрели темы таможенной системы. Китайские докторанты проявили интерес к теории экономической статистики и экономике транспорта. В области истории экономической мысли, помимо четырех работ об идеях Сунь Ятсена, отразивших увлечение этой темой внутри Китая, появилась качественная и новаторская диссертация Чжао Найтуаня «Ричард Джонс – ранний английский институционалист», она привлекла внимание западных экономистов. Цзоу Цзиньвэнь сделал вывод, что, по сравнению с периодом 1912–1926 гг., в это десятилетие из рядов учившихся за границей не вышло значительного числа «полководцев экономических исследований», однако многие заняли видные места в китайской экономической науке – например, преподававший в Нанькайском университете Фан Сяньтин или Чжао Найтуань, возглавлявший экономический факультет Пекинского университета с 1931 по 1949 г. (с. 161).

В период Войны сопротивления Японии и гражданской войны (1938–1949 гг.) количество диссертаций стало меньше, но их качество стало выше, отдельные работы были написаны на уровне мировой экономической науки. После завершения Второй мировой войны в поле зрения китайских экономистов оказалась тема развития отсталых аграрных полуколониальных стран, которой не интересовались западные ученые. В 1946 г. Чжан Пэйган защитил в Гарвардском университете диссертацию по экономике развития, его труд учитывал самые новые западные теории, впоследствии его книгу неоднократно переиздавали на Западе. Самой острой проблемой китайской экономики тех лет была безудержная инфляция, многие диссертанты занялись проблемами контроля над инфляцией и монетарной политики. С разных сторон критиковали кейнсианство либеральный экономист Цзян Шоцзе, написавший докторскую диссертацию под руководством Ф. Хайека, и учившийся в Кембридже Фань Хун, опиравшийся на учение Маркса.

Автор отмечает, что после разгрома Японии многие доктора наук вернулись в Китай, они хотели использовать приобретенные теоретические знания для осуществления индустриализации, однако вскоре гражданская война разрушила их планы. Одни из них уехали за границу или на Тайвань, многим удалость внести вклад в развитие экономической науки и западного Китаеведения. Часть осталась на материке, методы и направления их исследований существенно изменились, они прошли через «трудную научную трансформацию», большинство прервало изучение современной

экономической науки. Лишь с началом реформ в конце 1970-х годов они «стали лидерами развития китайской экономической науки в новый период» (с. 199).

Особенностью книги Цзоу Цзиньвэня является стремление выявить не только влияния Запада на Китай, но и роль китайских докторантов в осуществлении «путешествия восточного учения на Запад». Через их диссертации и научные статьи западные экономисты знакомы с экономикой Китая и китайскими традиционными экономическими идеями, эти знания повлияли на разработку экономической политики на Западе. К примеру, изданная как книга диссертация Чэнь Хуаньчжана об экономических идеях школы Конфуция (1911 г.) рассказывала о древней китайской политике создания государственных зернохранилищ для регулирования цен. Она стала знакомой американским экономистам и повлияла на выработку политики государственного вмешательства в сельское хозяйство в США в 1930-е годы (с. 200). Книга Чэнь Хуаньчжана привлекла внимание молодого Дж. М. Кейнса, который в 1912 г. опубликовал на нее рецензию.

К 1949 г. степень доктора по экономике в Европе и США получили более 300 китайцев. После образования КНР отправлять студентов на Запад перестали, но те, кто уже там находился, продолжили учебу и работу над диссертациями. Отдельная глава книги посвящена китайским докторантам на Западе в 1950-е годы. Цзоу Цзиньвэнь отмечает перемену в выборе тем исследования. Мало кто обращался к изучению экономики современного Китая, осуществлявшего переход к плановой экономике. Учившимся на Западе эта экономическая модель была непонятна и они не имели о ней достаточно информации. Некоторые занимались историей экономики Китая, многие исследовали экономические проблемы Европы, США и стран Юго-Восточной Азии. Среди китайских соискателей сохранился интерес к экономике развития, эта тема обрела дополнительную актуальность в условиях развала колониальной системы. Китайские докторанты в 1950-е годы большей частью обучались в США (79 человек против 10 в Европе), лишь единицы решились вернуться в Китай.

Центральное место в книге Цзоу Цзиньвэня (главы 3–10) занимает рассмотрение наиболее представительных работ китайских докторантов, получивших степень за границей. Рассмотрены 54 публикации (не только книги, но и статьи), относящиеся к сферам экономической теории, финансов, денежного обращения, международной торговли, экономики сельского хозяйства, делового

администрирования, истории экономической мысли, истории экономики. Здесь можно встретить имена самых известных китайских экономистов XX столетия: Фань Хун, Чжан Пэйган, Ма Иньчу, Ли Цюаньши, Чэнь Дайсунь, У Баосань, Чэнь Хуаньчжан, Чжао Найдунь, Чэнь Чжэньхуань и др.

Тема России появляется в книге лишь в конце, когда речь заходит об изучении вклада китайских студентов в распространение экономического учения марксизма. Автор выделил три «линии» распространения этого учения – «западную» (Европа и США), «восточную» (Япония) и «северную» (Советская Россия) (с. 641). Наиболее значимой фигурой оказался Чжан Сяоминь, который учился в 1925–1926 гг. в Висконсинском университете у американского институционалиста Дж. Р. Коммонса, после чего написал в Пенсильванском университете диссертацию «Теория государства Маркса». Это была первая в мире научная работа на эту тему на английском языке. Китайский докторант подчеркивал важность роли государства в экономике, критиковал Д. Рикардо и австрийскую школу за придание экономической науке «абстрактного облика», он рассказал об экономических противоречиях при капитализме и об учении Маркса о коммунистическом обществе. В работу вошел раздел об использовании марксизма в Советской России, Чжан Сяоминь охарактеризовал урегулированную с помощью нэпа советскую экономическую систему как «двухколейную», сочетающую в себе «государственный капитализм» с социализмом, представляющую собой «ограниченный капитализм» или «ограниченный социализм» (с. 647). Перевод его книги о теории государства Маркса был издан в КНР в 2013 г.

Рассказ о «северной линии» проникновения марксизма в Китай занимает лишь четыре страницы (с. 670–673). Автор книги отмечает, что влияние России хронологически было самым поздним, однако его масштабы стали самыми значительными. Раздел излагает основную информацию об истории обучения в СССР в 1920–1930-е годы китайских политических активистов из КПК и Гоминьдана. Цзоу Цзиньвэнь отмечает, что после возвращения в Китай они пропагандировали прежде всего «марксистскую теорию советского образца». В отличие от обучавшихся в Европе и Америке они воспринимали марксизм как убеждение и руководство к действию, их теоретические взгляды способствовали развитию практики китайской революции. «Однако особенностью учебных заведений для подготовки кадровых работников было то, что китайские студенты изучали марксистскую

теорию недостаточно глубоко, поэтому большая их часть впоследствии стала революционерами, а не мыслителями. Помимо этого, пришедшая из СССР теория, основным содержанием которой был марксизм-ленинизм, в определенной степени восприняла влияние советской политической культуры, что привело к появлению догматического уклона» (с. 673).

Необходимо добавить, что в те годы в Москве учились китайцы, оказавшие большое влияние на становление китайской марксистской политэкономии. В 1927–1931 гг. в Москве учился и работал Шэнь Чжиюань. После окончания в июне 1929 г. Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена он поступил в аспирантуру НИИ по Китаю. В 1934 г. он опубликовал «Очерк новой экономической науки», в котором изложение учения марксизма было соединено с рассказом об экономической политике СССР. За 20 лет «Очерк» был переиздан 18 раз.

Второй заметной фигурой был Сунь Ефан, обретший репутацию ведущего теоретика экономической науки китайского марксизма

XX столетия. Он учился в Москве с конца 1927 г. до середины 1930 г. Хотя пребывание Шэнь Чжиюаня и Сунь Ефана в СССР испытало влияние тогдашних политических бурь – китайские соотечественники объявили Сунь Ефана «контрреволюционным элементом» и даже «троцкистом» – обретенный ими советский опыт стал неотъемлемой частью развития китайской экономической науки.

Знакомство с книгой Цзоу Цзиньвэня позволяет понять, что открытость внешнему миру стала определяющим фактором быстрого развития китайской экономической науки в первой половине XX столетия. Она также помогает выявить одну из причин успешности китайских реформ. Политика преобразований учитывала достижения мировой экономической науки, которую китайские экономисты знали из первых рук.

О. Н. Борох,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН

Ю. Каубе. МАКС ВЕБЕР НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ. М.: Издательский дом «Дело», 2016, 600 с.

Немецкое издание книги руководителя отдела гуманитарных наук газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (ФРГ) Ю. Каубе¹, переведенной на русский язык К. Г. Тимофеевой под научной редакцией И. В. Кушнарёвой и И. М. Чубарова, было приурочено к 150-летию юбилею выдающегося мыслителя Макса Вебера (1864–1920). Каубе сумел не только осмыслить историю жизни и творчества Макса Вебера, но и воссоздать образ эпохи модерна. В предисловии автор подчеркивает, что за время жизни его героя мир необратимо изменился: вследствие глобализации он стал единым (с. 12).

«Переплетение» мира перед Первой мировой войной историки оценивают как высшую фазу в истории глобализации². Германская империя была связана с этим процессом, в котором современники видели главную характеристику своего времени. Мобильность

товаров, людей, идей, институтов – это формы взаимодействия мира накануне Первой мировой войны. Мировое хозяйство базировалось на насильственном включении рабочей силы, сырья, рынков сбыта неевропейских обществ. Культурный и интеллектуальный трансфер – также приметы глобализации. Германская империя накануне Первой мировой войны была составной частью общемировых процессов; Макс Вебер оказался в гуще глобальной перестройки мира и попытался осмыслить этот процесс. Но главная особенность творчества Вебера, отмеченная автором, – это текучесть и переменчивость политических взглядов и научных принципов ученого на фоне трансформации эпохи.

Автор рассматривает историю жизни Вебера не только во времени, но и в пространстве, показывая роль пространства в смене научных парадигм. Пространство, даже в рамках такой страны как Германия, способно сильно влиять на пассионарность личности. Мюнхен, по мнению автора, – это вызов протестантской аскетичности.

¹ *Kaube J. Max Weber. Ein Leben zwischen den Epochen. Berlin, 2014.*

² *Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. München, 2016, S. 107.*